

Л. А. ФАДЕЕВ

МОНОМОТАПА

(Опыт исследования общественно-экономического строя
народов междуречья Замбези — Лимпопо
в средние века)

В наши дни благодаря неустанному труду нескольких поколений археологов и историков загадка обнаруженных в прошлом веке знаменитых родезийских руин Зимбабве может считаться разрешенной. Без сомнения, величественные, искусно сложенные без известкового раствора стены большого Зимбабве, Дхло-Дхло, Кхами, Мапунгубве, Рузапе и сотен других руин африканского междуречья были созданы руками местных жителей — бушменов и банту¹.

В создании культуры междуречья особенно велика роль народов банту. Еще задолго до появления здесь европейцев банту, макаранга и розви из группы машона создали мощное объединение племен междуречья, известное в эпоху позднего средневековья под именем «империи», или «королевства» Мономотапа. Жившие здесь племена бушменов сыграли большую роль на раннем этапе развития культуры Зимбабве; кроме того, они, несомненно, участвовали в создании такого памятника, как Мапунгубве и некоторых других.

В настоящее время этнический состав междуречья существенно изменился. Правда, машона по-прежнему — одна из основных групп населения, но западная часть района заселена мигрировавшими сюда в XIX в. матабеле из группы нгуни. Исчезло вытесненное банту или смешавшееся с ними бушменское население.

Связь общества Мономотапы с культурой Зимбабве долгое время подвергалась сомнению. Расистски настроенные исследователи не считали возможным отождествлять культуру Зимбабве с «варварским государством» негров — Мономотапой. Однако данные современной науки свидетельствуют об обратном. Соответствие материальной культуры Зимбабве исторически известному обществу Мономотапы, закономерность и необходимость возникновения цивилизации Зимбабве-Мономотапы в африканском междуречье становятся очевидными при анализе общественных отношений у банту Мономотапы.

Проблема общественных отношений в Мономотапе до настоящего времени специально не рассматривалась. Для большей части буржуазных исследователей Зимбабве характерен эклектизм в оценке общества Мономотапы. Такие ученые, как Кэтон-Томпсон, Шебеста, Вишхофф, Шофилд, Саммерс и др., то изображают Мономотапу в виде варварской страны, то модернизируют ее и придают ей черты абсолютной монархии. Оценка уровня развития производства, социальное

¹ Подробнее см. об этом: Л. А. Фадеев, Проблема происхождения культуры Зимбабве, «Сов. этнография», 1960, № 2.

расслоение — все это остается вне поля зрения данных исследователей. Неразборчивость в терминологии еще более затемняет содержание редких у этих авторов экскурсов в область общественных отношений.

Основные источники при изучении хозяйства и общественных отношений в средневековом междуречье — это данные археологических раскопок и письменные свидетельства арабских и главным образом португальских авторов интересующей нас эпохи. Однако, если археологические материалы обильны и охватывают весь период времени, то письменные данные крайне фрагментарны и относятся в основном к XVI—XVII вв. Только дополняя письменные сведения данными археологии, можно воссоздать более или менее цельную картину хозяйства и общественных отношений средневекового междуречья.

* * *

Основным занятием аборигенов африканского междуречья в XVI—XVII вв. было сельское хозяйство. Главную роль играло земледелие. Португальский миссионер Сантуш, оставивший нам капитальный труд по истории Восточной Эфиопии, писал о жителях Квитеве: «Охота дает им часть пропитания, но просо и рис — их основная пища»². Единственной повинностью, налагаемой «королем» на аборигенов, Сантуш называл выполнение полного цикла земледельческих работ на специально оставленном для «короля» поле. Несколько ниже он говорит о том, что сборщики дани сдавали в королевские склады рис и просо³.

Кроме возделывания злаков, аборигены, по свидетельству того же автора, в большом количестве сажали плодовые деревья, а в районе Софалы занимались и выращиванием сахарного тростника⁴.

О доминирующей роли земледелия свидетельствуют многочисленные находки железных мотыг и зернотерок в слоях культуры Зимбабве XVI—XVII вв., а также широкое распространение различных, связанных с земледелием сооружений этой эпохи, — ирригационных каналов и колодцев, земледельческих террас и зернохранилищ.

Особенно интенсивно земледелие было развито в районе Иньянги, где склоны холмов покрыты террасами на площади более чем в 10 тыс. кв. км. Археологи обнаружили здесь семена основных африканских злаков и различные плодовые деревья. Террасы подобного типа были обнаружены на холмах Большого Зимбабве. По мнению Кроуфорда, террасы обрабатывались пять-шесть сезонов подряд, после чего приступали к обработке нового участка. Таким образом, здесь имела место своеобразная переложная система⁵.

Об огромном значении земледелия в стране макаранга свидетельствуют и названия сезонов по циклам земледельческих работ. Мануэль Баррето писал в 1667 г., что весенний сезон (август — октябрь) назывался *догрипо* или *ширимо* — сезон рыхления почвы⁶.

Разведение домашних животных в целом имело вспомогательное значение. Но в междуречье, по-видимому, были области более высоко развитого скотоводства. Сантуш говорит, что туземцы Абутуа не добывали золото «...из-за того, что они сильно заняты выращиванием скота»⁷. Аборигены разводили длиннорогий скот, как это видно по

² J. dos Santos, Histoire de l'Ethiopie orientale, Paris, 1684, стр. 76.

³ Там же, стр. 92.

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ O. G. S. Crawford, Rhodesian Cultivation Terraces, «Antiquity», т. XXIV, 1932, стр. 96—98.

⁶ См.: G. McCall Theal, Records of South-Eastern Africa, Cape Town, 1898—1903, т. III, стр. 490.

⁷ Там же, т. VII, стр. 274.

изображениям на фрагменте каменного блюда, найденного близ Большого Зимбабве⁸. Фигурка быка, найденная в Бамбандьянало, и изображение ритуальной сцены на упомянутом блюде свидетельствуют о значительной древности разведения домашних животных в междуречье.

Важную роль в жизни аборигенов междуречья играла охота, покрывавшая недостаток в основных продуктах питания. Сантуш писал, что охота была любимым занятием кафров (так называл он жителей междуречья). Он описывал торжественный церемониал королевской охоты и укорял кафров за то, что они при своей бедности занимаются охотой, предоставив обработку полей женщинам. В XV—XVII вв. в междуречье еще не завершилось отделение ремесла от сельского хозяйства. Каменное строительство, разработка рудных богатств, производство керамики, изготовление прочей домашней утвари и части орудий осуществлялись руками общинников по мере надобности. Об этом свидетельствует многообразие форм поделок, отсутствие клейм на керамике и пр.

Однако некоторые виды производства, прежде всего выплавка железа и кузнечное дело, сосредоточивались в руках особых специалистов. На своеобразное положение кузнецов в средневековом междуречье указывает ряд сохранившихся до конца XIX в. религиозных обрядов и отношений среди балемба — небольшой этнографической группы междуречья. Балемба, говорящие на языке бавенда, издавна занимались кузнечным ремеслом, тайны которого передавались от отца к сыну. Они составляют эндогамную группу и имеют своего вождя, несмотря на то, что живут отдельными семьями и группами среди других народов⁹.

Вишхофф обнаружил ряд крупных центров по выплавке железа. Золой и железным шлаком была покрыта вся внутренность руин Букве за р. Тегвани. Особенно крупный металлургический центр был у нынешней фермы Гарпера (Южная Родезия), где сохранилось от 20 до 30 домниц. В данном районе находились залежи марганца с высоким содержанием железа¹⁰.

Наличие специалистов высокой квалификации необходимо для производства ювелирных изделий тонкой художественной работы. При раскопках Мапунгубве¹¹ и в других местах обнаружены замечательные ювелирные поделки.

В Мономотапе вырабатывалось значительное количество хлопчатобумажных тканей. Об этом свидетельствуют широкое распространение хлопчатника в средневековом междуречье и частые находки пряслиц, сделанных из черепков керамической посуды. Пряслица встречаются на всей территории Южной Родезии и долины Лимпопо вплоть до Зоутпансбергских гор¹².

По данным Антонио Фернандеса, около 1514—1516 гг. одна из областей междуречья — Мозиба — производила ткани в таких размерах, что даже экспортировала их в Мономотапу¹³. Возможно, что в Мозибе ткачество сосредоточивалось в руках особой группы специалистов, однако это лишь предположение.

В целом хозяйство средневекового междуречья имело натуральный характер. Большая часть населения довольствовалась предметами пер-

⁸ G. Caton-Thompson, *The Zimbabwe Culture*, Oxford, 1931, табл. LIV.

⁹ H. Stayt, *Notes on the Balemba*, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», т. LXI, 1931, стр. 234.

¹⁰ H. A. Wieschhoff, *The Zimbabwe-Monomotapa Culture*, Menasha, 1941, стр. 65.

¹¹ L. Fouché, *Mapungubwe*, Cambridge, 1937.

¹² J. F. Schofield, *Primitive Pottery*, Cape Town, 1948, стр. 123.

¹³ F. Axelsson, *South-East Africa, 1488—1530*. London, 1940, App. V, стр. 279.

вой необходимости собственной выделки. Путем обмена приобретались лишь изделия из железа и ввозившиеся в междуречье из других стран стеклянные бусы, фаянс, фарфор, цветные ткани, но большая часть этих товаров была предметом роскоши. О неразвитости обмена свидетельствует отсутствие устойчивого всеобщего эквивалента.

Описанный нами хозяйственный уклад сложился в XV—XVII вв. в эпоху расцвета державы макаранга, когда Мономотапа была наиболее сильным политическим образованием междуречья, а язык чикаранга — наиболее распространенным там языком¹⁴.

Производство железа, керамики и каменное строительство уходят своими корнями в более отдаленные времена, возникнув на завершающем этапе южноафриканского неолита в VI—VIII вв. н. э. Ткачество характерно лишь для эпохи каранга (X—XVII в.). Пряслица отсутствуют на раннем этапе железного века междуречья, в слоях со штампованной керамикой.

Основной тенденцией развития хозяйства междуречья от неолита к развитой культуре железа Мономотапы было постепенное уменьшение значения охоты и развитие интенсивного мотыжного земледелия. Последнее было уже значительно развито в эпоху раннежелезных культур — Долины Лимпопо, Зиуа I и II (на Иньянге) и Пика Леопарда (на Кхами)¹⁵. Для этой эпохи характерна и значительная роль животноводства, о чем свидетельствует анализ костных остатков, проведенный Р. Саммерсом на Иньянге¹⁶.

Экономический строй обществ междуречья совершенно не исследован. Данные по этому вопросу чрезвычайно скудны, и нам следует ограничиться лишь некоторыми догадками.

Сочинения португальских писателей полны нападок на «природную леность» обитателей междуречья. «Кафры бездельники и враги работы, они стремятся найти земли, на которых в изобилии и с легкостью можно черпать продукты питания...», писал Сантуш. «Их природная леность — причина, вследствие которой они предпочитают пребывание в лесах и зарослях пребыванию в полях ради устранения нужды... Они делают свои хижины и живут в них как глупые дикари; и как только они начинают испытывать нужду, они стремятся разбить свой лагерь в каком-нибудь другом месте...»¹⁷

Португальский историк не понимал существа экономического строя и хозяйственного уклада междуречья, принципиально отличных от развитого феодального хозяйства Португалии. Разница усугублялась сохранившимся в междуречье разделением труда по полу. Сантуша удивляло, что все полевые работы в Квитеве выполняют женщины, а «...мужчины скитаются поблизости, предлагая друг другу дичь, рыбу, и живут весело»¹⁸.

Дело в том, что хозяйство аборигенов междуречья не было еще товарным; более того, оно еще сохраняло некоторые черты ушедшего в прошлое потребительского типа хозяйства. Производство у них осуществлялось трудом отдельных патриархальных больших семей с материальным счетом родства и велось в рамках соседской общины — деревни, при сохранении разделения труда по полу и возрасту. Подобный тип хозяйства до недавнего прошлого сохранялся у южных банту¹⁹.

Мужчины ухаживали за скотом, делали деревянные сосуды, охотились. Женщины занимались мотыжным земледелием и производством

¹⁴ J. dos Santos, Указ. раб., стр. 12.

¹⁵ K. R. Robinson, Khami Ruins, Cambridge, 1958, стр. 8.

¹⁶ R. Summers, Inyanga, Cambridge, 1959, стр. 152—153.

¹⁷ J. dos Santos, Указ. раб., стр. 74, 75.

¹⁸ См.: G. McCall Theal, Указ. раб., т. VII, стр. 306.

¹⁹ См. А. Т. Брайант, Зулусский народ до прихода европейцев, М., 1953.

керамики. Наиболее сложные работы производились всей общиной во главе с вождем деревни. Мануэль Баррето описал добычу золота в стране макаранга. «Бесчисленное множество кафров с их женами и детьми собираются к месту, которое они избрали, чтобы открыть тагодос (шахты); вождь каждой деревни образует отдельную партию со своим народом», — писал Баррето²⁰. Полученное золото делилось между всеми общинниками: «Всякий получает четыре или пять зерен золота, это — бедное и нищенское занятие», — сообщает де Конто²¹.

Община, как экономическая единица, несла в пользу вождей союзов племен различные повинности и тяготы, возлагаемые на нее. Выше уже говорилось, что в каждой кафрской деревне оставались специальные участки, урожай с которых шел «королю» Квитеве.

К сожалению, в источниках нет сведений о характере собственности на землю, но в связи со всем изложенным можно полагать, что земля была в собственности общины. Безусловной коллективной собственностью были леса, пастбища, богатые золотом земли и пр.

Однако община была уже затронута разложением и характеризовалась значительным имущественным расслоением. Уравнительное распределение продуктов давно отошло в прошлое. Жилище и домашняя утварь, оружие, украшения и одежда свидетельствуют о разнице в имущественном положении общинников.

Особенно характерны резкие различия в одежде. Они были столь устойчивы, что начинали приобретать уже сословный характер. Отдельные виды одежды могли носить только наиболее знатные и заслуженные из аборигенов²². Только самые богатые могли щеголять в цветных шелковых и полшелковых тканях. Беднота иногда не имела и звериных шкур для прикрытия своей наготы²³.

Имущественной дифференциации общины способствовал развивавшийся обмен как внутри страны, так и с заморскими странами. Слитки металлов, мотыги и другие изделия в значительных количествах расходились по междуречью. Уже в X в. сюда завозились большие партии стеклянных бус, ввоз которых растет на всем протяжении периода Мономотапы. В XV—XVII вв. в междуречье попадают изделия из китайского фарфора, некоторые виды индийских тканей²⁴.

Роковую роль в убыстрении разложения общинных отношений сыграла политика Португалии, выкачивавшей из междуречья различные богатства. Особенно тяжким было влияние работорговли, начатой португальцами в 1640 г., после провала экспорта драгоценных металлов. В 1644 г. многие частные лица занимались регулярной поставкой живого товара из Мозамбика в Бразилию²⁵. В работорговлю постепенно втягивалась и верхушка местного населения.

Затронутые разложением, но еще сохранявшие целый ряд пережитков общинные отношения составляли фундамент сложной социальной организации Мономотапы и порождали ряд надстроечных явлений, отмеченных португальскими авторами той эпохи.

Португальские писатели единодушно считают мономотапу абсолютным монархом. Дуарте Барбоса пишет, что власти мономотапы подчиняется множество королей, живущих в его безмерно большой стране²⁶. Бокарро среди вассалов мономотапы упоминает империю Монга, королевства Манунга, Макобе и Маника. Наряду с наследственными правителями этих стран, он перечисляет ряд должностных лиц со специаль-

²⁰ G. McCall Theal, Указ. раб., т. III, стр. 490.

²¹ Там же.

²² «The Book of Duarte Barbosa», London, 1918, стр. 11.

²³ J. dos Santos, Указ. раб., стр. 61.

²⁴ G. McCall Theal, The History of South Africa, т. I, 1927, стр. 211.

²⁵ Там же, стр. 289.

²⁶ «The Book of Duarte Barbosa», стр. 12.

ными титулами, также входивших в высшую знать страны. Бокарро говорит о канцлере — *pingotoаха*, губернаторе — *mosotoаха*, министре двора — *амбуа*²⁷. Сантуш сообщает, что в XV в. от Мономотапы отделились ставшие самостоятельными государствами Квитеве, Седанда и Чиканга (Маника)²⁸.

Все это создает представление о наличии в Мономотапе развитого государственного аппарата, о существовании чиновничьей иерархии рабовладельческого или феодального типа. На деле это не так.

Некоторые наблюдения португальских авторов раскрывают своеобразные отношения, существовавшие между центральной властью и «вассальными» областями.

Прежде чем приступить к сбору дани с той или иной подвластной области, владыка страны должен был получить официальное признание своих прав на данную область. С этой целью, как пишет Сантуш²⁹, снаряжалось специальное посольство (*mutumes*) из четырех вельмож. Один из них олицетворял особу самого повелителя, причем было желательно, чтобы он был одним из сыновей короля. В последнем случае с ним говорили почтительнее, чем с другими. Если переговоры увенчивались успехом, сопровождавшие послов воины уносили корзины с данью.

Таким образом, «абсолютный монарх» каждый раз должен был подтверждать свой суверенитет, причем подвластный народ был заинтересован в личном присутствии владыки при этой церемонии.

Посольство *mutumes* безусловно свидетельствует о совершенно иных отношениях, нежели феодальные или рабовладельческие. Обе стороны ведут переговоры как бы на паритетных основаниях. И хотя власть повелителя в дни Сантуша была гораздо полнее, нежели в те времена, когда институт *mutumes* только что создавался, здесь ясно выступает облик вождя объединения равных племен, которые вольны оставаться или уходить из этого союза.

Дуарте Барбоса описывает еще одну церемонию, которая ежегодно производилась в Мономотапе. Во все области и селения посылались специальные люди, которые должны были сначала загасить все горевшие там огни, а затем раздать всем жителям новый огонь, принесенный из ставки вождя. «Все жители приходили получить огонь из его руки, который они брали в знак величайшей дружбы и покорности. Если же какое-либо место или город не желали этого сделать, их тотчас же начинали считать мятежными»³⁰. Если селение отказывалось принять огонь, мономотапа высылал против него большой отряд воинов.

Аналогичный *mutumes* институт передачи огня также свидетельствует о сохранении военно-демократических отношений. Огонь принимается не только в знак покорности, но и как символ величайшей дружбы.

Особый интерес представляет известный рассказ Масуди в его книге «Золотые луга» о стране зенджей *wqlimi*, живших где-то близ устья Замбези³¹. Зенджи *wqlimi*, в которых ряд авторов видит жителей Мономотапы³², подчинялись правителю *wqlimi*: «... потому что он избран править над ними и устанавливать справедливость между ними. Но

²⁷ См.: Н. Wiesshoff, Указ. раб., стр. 103.

²⁸ J. dos Santos, Указ. раб., стр. 15.

²⁹ Там же, стр. 88—89.

³⁰ «The Book of Duarte Barbosa», стр. 13.

³¹ M a ç o u d i, Les Prairies d'or, texte arabe et traduction par C. Barbier de Meinard et A. Pavet de Courteille, Paris, 1861, т. II, стр. 453.

³² Доказано, что *wqlimi* следует читать как «mvana va mfalume» — выражение, значение которого аналогично распространенному среди народов банту обозначению вождя — «mvana» (ср. мономотапа). Имя бога зенджей Mklunglu аналогично распространенному у банту — Kulu (Unqulunqulu, Molungu и т. д.), См. заметку С. Meinhof в «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», Bd. X, Hft. 2, 27 Juni 1920, стр. 148—152.

если король начинает угнетать их и отклоняется от права, они убивают его и изгоняют его детей из королевства».

Общество средневекового междуречья отличалось сохранением типичных черт военнореспубликанских отношений наряду с военным предводительством, перерастающим в деспотическую власть периода окончательного становления государства, — раннерабовладельческого или раннефеодального. Правитель Мономотапы в рассматриваемое нами время был, очевидно, верховным вождем союза племен, обладавшим уже деспотической властью. Вокруг верховного вождя начинает консолидироваться социальная прослойка, в которой с полным правом можно видеть зародыш будущего аппарата государственной власти.

Сантуш сообщает, что повелитель Квитеве имел при себе триста или четыреста человек, которые назывались *inficis*, роль их сводилась к исполнению смертных приговоров своего владыки, народ называл их живодерами, ибо: «...без всякой формальности судебного процесса они убивают, избивая и вешая тех, кого король приказал предать смерти»³³.

Община с ее правом оказывается уже не в состоянии защитить своих членов от произвола вождя.

Казнь по первой прихоти деспота — явление не редкое в обществах, переживающих период становления государства. Деспот, выступающий как связующее единство общества, превращается в противоположность этому обществу.

Властитель Квитеве имел также большой штат официальных придворных льстецов — *magombes*³⁴. Во время торжественных выходов эти люди пели деспоту хвалу, называя его господином Солнца и Луны, владыкой Земли, гор, лесов, великим чародем, великим львом и т. д. Этим же людей использовали в качестве гонцов, которых всюду встречали с почетом и уважением. Было принято дарить гонцу ту вещь, которая ему приглянулась. У недогадливого хозяина вещь просто отбирали, и этот грабёж принимался как должное.

Авторитет великого вождя ставил этих людей выше закона. Однако иногда случалось и по-другому — владелец вещи оказывал сопротивление и звал насильника к суду. Тогда дело решалось путем ордалий³⁵.

Столь удивительное соотношение между обычным правом и правом верховного вождя могло сложиться только в период становления государственной власти, когда правосудие общины еще не было вытеснено правосудием бюрократии.

Должностные лица со специальными титулами, о которых упоминалось выше, вовсе не имели того значения, которое им придают Бокарро, а вслед за ним и ряд новейших специалистов. Более того, они несомненно противостояли и самому вождю, и тем, кто входил в категории *inficis* и *magombes*, так как они представляли остаток могучей некогда родовой верхушки племени, совета старейшин, превратившегося теперь в рудиментарный орган.

Это подтверждается упоминанием среди перечисленных Бокарро лиц таких персон, как *inhato* — главный барабанщик, *puçica* — главный колдун, *petambe* — главный хранитель культовых и лекарственных предметов³⁶. Все эти лица появились в общине на значительно более раннем этапе. Они охраняли и использовали обычное право, их опеке были поручены такие важные для всех общинников вещи, как барабаны общины, колдовские предметы для церемонии «вызывания дождя» и пр.

³³ J. dos Santos, Указ. раб., стр. 53.

³⁴ Там же, стр. 54.

³⁵ Там же, стр. 55.

³⁶ См.: Н. Wieschhoff, Указ. раб., стр. 103.

Упадок влияния племенной знати проявился в отмирании обычая ритуального убийства вождя. Обычай этот хорошо известен по материалам межозерья, Конго, Нигерии и ряда неафриканских стран. В странах междуречья он использовался лишь для устранения от власти неугодного верхушке племени вождя, т. е. был по существу политическим орудием в руках знати. Смещенного вождя не убивали, ему позволяли спокойно доживать свой век.

С усилением власти вождя институт ритуального убийства претерпевает дальнейшие изменения. Вожди начинают пренебрегать этим обычаем и остаются у власти.

Этот процесс ясно показывает формирование одной из сторон раннеклассовых отношений, тесно связанных с первобытно-общинными отношениями, пришедшими им на смену. В дальнейшем власть вождя-деспота и ее преемственность охраняет уже не обычай, а закон формирующегося государства.

Положение, которое занимали упомянутые Бокарро «канцлер», «губернатор» и пр., аналогично положению знати тех родов, которые стали основой позднейших межплеменных объединений африканцев (например, род Ндебеле Кумало, составивший ядро матабеле).

Особый интерес представляет положение женщин в Мономотапе. «Король Квитеве,— пишет Сантуш,— содержит многочисленных женщин, главнейшими из них являются ближайшие родственницы, которых он называет царицами, другие же просто наложницы, от которых он также имеет детей, являющихся причиной смут, когда он умирает, не оставив наследника. Обычно он выбирает наследника из числа детей, которых он имеет от своих дочерей или сестер (привилегия, которой пользуется лишь король). Ибо законы строжайшим образом воспрещают вступать его подданным в брак с их дочерьми или сестрами под угрозой смертной казни»³⁷.

Монкларос сообщал, что число жен мономотапы доходило до трех тысяч и что главные из них — царицы — были его сестрами³⁸. Приводимая цифра баснословна, но достоверно, что главных жен, или цариц, было девять. Старшая из них — mazariga — обязательно была сестрой мономотапы, вторая называлась — nhahanda, третья — pavuiza и т. д.

Подобно мономотапе, эти женщины обладали правом жизни и смерти в отношении подданных и имели огромное влияние на ряд важнейших государственных дел.

Женщины контролировали порядок престолонаследования. Только с разрешения бывшей главной жены новый мономотапа мог войти во дворец. Младшая из главных жен мономотапы сообщала совету родовой знати о наступившем одряхлении вождя, после чего тот отстранялся от власти³⁹. На особую роль женщин указывает и упоминание Дуарте Барбоса о военном корпусе из пяти или шести тысяч женщин, всегда сопровождавшем вождя и главного военачальника в походах⁴⁰.

Подобные явления были характерны для целого ряда африканских обществ. Они свидетельствуют о сохранении значительных пережитков матриархата даже в эпоху распада отцовского рода.

В целом положение женщины определялось нормами патриархальных и зарождавшихся классовых отношений. Несмотря на влияние женщин, избрание наследника зависело прежде всего от воли верховного вождя. Наследник мог быть сыном и не главной жены. Сама главная жена выбиралась по воле амбуи — представителя родовой знати.

³⁷ J. dos Santos, Указ. раб., стр. 26.

³⁸ См.: Н. Wieschhoff, Указ. раб., стр. 7.

³⁹ Там же, стр. 98.

⁴⁰ «The Book of Duarte Barbosa», стр. 12.

«Королевская эндогамия», существовавшая в Мономотапе, должна рассматриваться как очень сложное явление. Вероятно здесь имела место кастовая эндогамия, осложненная многоженством эпохи распада патриархального рода.

Особенно резко проявлялась противоречивость положения женщины в Мономотапе после смерти вождя. В то время как главные жены решали вопрос о наследнике (хотя бы и формально), второстепенные жены должны были умереть вместе с вождем. Они «приносились в жертву манам мертвого короля,—пишет Сантуш,—для того, чтобы служить куртизанками в другом мире»⁴¹.

Принесение в жертву женщин на похоронах вождя — явление широко распространенное на ступени перехода от первобытно-общинных к раннеклассовым отношениям. Но в Мономотапе в жертву приносились не рабыни, а свободные женщины.

Религиозные представления жителей Мономотапы свидетельствуют о значительном сдвиге в области общественного сознания. Археология и письменные источники позволяют проследить довольно быструю эволюцию религиозных воззрений обитателей междуречья. Нижние слои археологических культур междуречья со штампованной керамикой в изобилии дают предметы, связанные с культом плодородия (стилизованные мужские и женские фигурки), которые в эпоху руин заменяются грубыми изваяниями птиц, вероятно, тотемными изображениями. В XV—XVII вв. португальцы наблюдали уже совершенно иную картину. В 1632 г. Барруш писал, что подданные Беномотапы поклоняются великому богу *Mozino*⁴².

Сведения Барруша были подтверждены целым рядом португальских писателей, которые с удивлением говорили о вере жителей Мономотапы в единого, великого бога и сравнивали их веру с христианским монотеизмом.

Сантуш также писал о великом боге кафров — *Molungo*. Но он отметил одну поразительную особенность этого культа: «Хотя они говорят, что имеют одного бога, они не хотят ни признавать его старшинство, ни поклоняться ему, но обращают все свои молитвы к своему королю, полагая, что он говорит с душами мертвых и получит без труда от неба все, в чем они нуждаются»⁴³.

Очевидно, единобожие аборигенов междуречья, по сути дела, представляло собой трансформированный культ предков. Ведь аборигены связывали свое благополучие с влиянием духов умерших, а небо выступает лишь как возможное место обитания этих духов, если это не интерполяция Сантуша.

Связь с культом предков подтверждается и сходством имени *Molungo* с *Mklunglu* Масуди и *Unkulunqulu* — прародителем нгуни. *Molungo* — один из вариантов корня *kulu* (великий, старый), распространенного, как это установлено Мейнхофом, во многих восточноафриканских языках⁴⁴.

Понятна и вера аборигенов в близость вождя племенного союза к духам предков, поскольку вождь являлся главой старейшего и знатнейшего рода в стране. Кроме того, вождь иногда выступал как распорядитель культовых церемоний.

Очевидно, вождь был посвящен и в магию колдунов, так как к нему обращались с просьбой о ниспослании дождя⁴⁵. Совершение обряда

⁴¹ J. dos Santos, Указ. раб., стр. 27.

⁴² Joao de Barros, *Asia*, Lisboa, 1945.

⁴³ J. dos Santos, Указ. раб., стр. 47.

⁴⁴ C. Meinhof, Указ. раб., стр. 149.

⁴⁵ J. dos Santos, Указ. раб., стр. 47.

вызывания дождя — одна из главнейших функций колдуна у южных банту.

Признание особой близости вождя к трансцендентным силам начинает уже довольно явно перерастать в обожествление вождя-деспота — процесс, хорошо известный по материалам истории древневосточных деспотий. Человек, воплощавший в себе, помимо прочего, духовное единство общества, неизбежно должен был сам стать объектом поклонения.

Таким образом, в XV—XVII вв. в междуречье на смену древним культам плодородия, тотемизма и почитания духов-предков пришел новый культ, в котором дух-предок сильнейшего из родов стал выступать в качестве главного божества для всех покоренных и присоединенных родов. Это главное божество частично сливалось с образом великого вождя союза племен и объединяло в себе множество элементов прежних верований.

* * *

В XV—XVII вв. Мономотапа переживала период перехода от первобытно-общинных к раннеклассовым отношениям. Период этот характеризовался сохранением сельской общины как основы экономического и социального строя общества, при наличии выделившейся имущественно и сложившейся в господствующую прослойку племенной знати. Во главе знати стоял военный предводитель, верховный вождь племени или союза племен.

Рост имущественной дифференциации, богатств и связанные с этим непрерывные войны, а также усиление противоречий между племенной верхушкой и родовыми общинниками — все это приводило к усилению власти военного предводителя, превращавшегося в деспота. Происходила консолидация знати различных племен, повлекшая за собой образование союза шонских племен. Мономотапа был верховным вождем этого союза, обладавшим деспотической властью. Вокруг мономотапы, власть которого отличалась уже рядом черт, характерных для классового общества, начинают возникать отдельные элементы будущего государственного аппарата. Увеличивается и реорганизуется ополчение, с ростом которого растет и власть военного предводителя, усиливается зависимость отдельных племен от главы союза. Все это вело к бурной внутренней борьбе, смутам и войнам. Ряд областей Мономотапы, не имевшей экономического единства, выделился и обособился в самостоятельные племенные союзы, зачаточные государства. Еще большее число областей оказывалось в зависимости от различных могущественных соседей.

Зависимость эта имела в целом догосударственный характер. Вышим выражением узаконенной зависимости было признание власти более сильного вождя и выплата ему незначительной дани. Обычно дело сводилось лишь к разгрому и сожжению краалей более слабого соседа, присвоению скота и уводу женщин.

Безусловно, здесь уже существовали элементы классовых отношений. Но должен был пройти еще большой период времени, прежде чем они смогли бы окончательно оформиться и стать господствующими. Этому в значительной степени препятствовали сохраняемые общинной пережитки родовых отношений, восходящих ко временам матриархата.

Однако значение всех этих пережиточных явлений и даже значение общины все более и более уменьшалось. Ведущей линией развития было становление и формирование зарождавшихся классовых отношений, возникновение народностей. Междуречье стояло на грани образования первых классовых обществ.

SUMMARY

In the medieval period the population of the Zambezi-Limpopo inter-river area was in the stage of transition from primitive-communal to early-class relations. The basis of that society was the territorial village commune; the main economic unit was the patriarchal family, with affinity still traced in the female line as in the days of the matriarchal system. The commune was already disintegrating: differentiation in wealth was apparent and an uppermost section, the aristocracy, had taken shape. The disintegration of the commune was promoted by the development of exchange. A fatal part was played by the invasion of the Portuguese colonialists.

The tribes of the inter-river area were united in tribal alliances. The highest form of social organization were confederations of tribal alliances of the military-democracy type.

One such military democracy was Monomotapa which united the tribes of the inter-river area, initially under the hegemony of the Karanga, and later of the Rozvi, and was headed by the monomotapa, or supreme ruler.

The society of Monomotapa was characterized by the simultaneous existence of phenomena and institutions that were relics of the matriarchal system, and of new ones typical of the rising class society. Under such conditions the authority of the monomotapa was bound to acquire a despotic character.

Lacking economic unity, Monomotapa could not be a stable political formation; in the medieval period, dissension and inter-tribal struggle were unavoidable. This, however, was merely a surface manifestation of those internal processes which impelled the peoples of the inter-river area to the formation of the first early-feudal states.
